

В далекие (для одних — недоброй памяти, для других — ностальгически чтимые) советские времена студенты, завершавшие курс обучения, бодро распевали слова немудреной песенки: «Трижды не попав в аспирантуру — сдуру, собери свой тощий чемодан, обними папашу, поцелуй мамашу и бери билет на Магадан!» Такая вот перед ними вырисовывалась альтернатива: либо «головокружительная» научная карьера с последующей защитой кандидатской диссертации и затем обретением престижной работы в вузе или НИИ, либо ссылка в отдаленную глубинку на безрадостное прозябание.

В наше время ничего подобного нет и в помине. В аспирантуру никто не рвется, разве только оголтелые ботаники и неисправимые романтики. Что, в

самом деле, там их ожидает? Мизерная стипендия, необходимость для иногородних за немалые деньги снимать частную квартиру, да и вообще, чтобы сводить концы с концами, подрабатывать на стороне. Урывками кропать «кирпич», соблюдая негласно установленные рутинные стандарты, сдавать экзамены кандидатского минимума. Пристраивать сопровождающие статьи, да не куда-нибудь, а непременно в так называемые ваковские журналы; потребное их количество при этом периодически возрастает, как и цена за услуги, которые оказывают большинство издателей и посредников. Проходить унижительную процедуру проверки оригинальности написанного по программе антиплагиата. Подыскивать подходящих оппонентов и ведущую организацию. Размещать

в Интернете тексты диссертации и автореферата, а также отзывы официальных оппонентов. Возиться с оформлением гигантского множества пред- и послезащитных документов. Участвовать в давным-давно изжившем себя фальшивом спектакле защиты под подозрительной камерой. Наконец, после защиты смиренно ожидать, пока ВАК, почему-то в академическом просторечии уважительно склоняемая по мужскому роду, соизволит одобрить давным-давно принятый вердикт диссертационного совета.

Допустим, у соискателя хватило выдержки и терпения все это преодолеть, вожделенная ученая степень получена, и даже, паче чаяния, удалось обрести достойную должность на кафедре или в научно-исследовательском коллективе. Вот тут-то его подстерегает разочарование. Новоиспеченный кандидат получает в нагрузку непосильное количество учебных часов. Казалось бы, 900 часов за 38 недель — не так уж и много, но ведь к ним надо приплюсовать и время, необходимое для подготовки к лекциям и практическим занятиям, а его набирается в два, а то и три раза больше «горлового», аудиторного.

Может быть, столь самоотверженный труд вознаграждается высокой и стабильной зарплатой? Как бы не так! Недавний соискатель обнаруживает, что ему полагается жалование ничуть не большее, чем заработная плата учителя средней школы, который, конечно, тоже трудится в поте лица, но не обременен высокими учеными степенями и заботой постоянно повышать и поддерживать должный научный уровень. Равнение на средний заработок по региону соблюдается только на словах, вроде пресловутой средней температуры по больнице. И это понятно: ректор, как правило, получает в десятки раз больше, чем его рядовые подчиненные (борьбу со столь вопиющей диспропорцией ведет на своем сайте Ирина Канторович). Не обижают себя и все остальные, с позволения сказать, руководители учебного процесса, которых с каждым годом становится все больше и больше. В любом вузе количество должностных кабинетов и разнообразных управленческих помещений уже давно сравнялось с числом учебных аудиторий. Как шагреньевая кожа, стремительно сокращается и ППС — профессорско-преподавательский состав.

Стараниями самого непопулярного в недалеком прошлом горе-министра образования и науки Д. Ливанова началось повсеместное укрупнение вузов и сокращение преподавательского корпуса. Очень старался: сократил практически наполовину. С его нелегкой руки значительно возросло количество студентов на каждого преподавателя. Конкурс на замещение вакантных должностей с некоторых пор объявляется не

на пять лет, а на два года, а то и на один, и в большинстве вузов не на полную ставку, а на 0,5; 0,25 и — уже совершенно смехотворно — на 0,1. Две иезуитские цели преследует столь дозированное дробление: с одной стороны, камуфлирует скрытую безработицу, с другой — «оптимизирует» учебный процесс, в ходе которого не сокращенные до конца специалисты выполняют значительно большую нагрузку, чем предполагает оставленная им доля.

В своем противостоянии с администрацией вузовские преподаватели совершенно беззащитны. Профсоюз функционирует лишь номинально. Угроза сокращения ставки и даже увольнения не позволяет поднять голос протеста даже самым авторитетным профессорам, не дает возможности им объединиться и заявить о своих законных правах.

К тому же не приходится забывать и о научной работе, которую предлагается «гармонично сочетать» с учебной. Регулярно к концу не учебного, а почему-то календарного года предстоит отчитываться за опубликованные статьи и прочитанные на конференциях доклады. Кстати, на конференции, особенно международные, приходится теперь ездить в основном за свой счет; их организаторы завели моду взимать еще и так называемый оргвзнос, достигающий 80–100 евро, а командирующая сторона, как правило, предпочитает стыдливо умалчивать о наличии соответствующей статьи расходов.

Что же касается публикаций, явное предпочтение отдается статьям, размещаемым в ваковских и ринцевских изданиях, а также — что считается наивысшим знаком качества — в изданиях под эгидой западных наукометрических баз данных, типа Web of Science, Scopus и пр., поскольку все остальные, не снискавшие чести попасть в число привилегированных, арбитрами научных достижений просто игнорируются. Публикуемые в них статьи проректор одного из уважаемых университетов презрительно назвал «научным мусором», видимо, потому, что они не добавляют вузу очков в борьбе за продвижение в мировых рейтингах. Само собой разумеется, чтобы попасть в эти избранные журналы, надо иметь не семь пядей во лбу, а тугую кошелек. Практически все пользователи Интернета, имеющие отношение к науке, регулярно получают радужные приглашения опубликовать свои опусы по соответствующим расценкам.

Приведу характерный образчик преysкуранта такого рода.

Центр научного сотрудничества ВАК24 предлагает следующие услуги по доступным ценам:

1) публикация статей ВАК по всем отраслям — от 6000 руб.;

2) публикация статей SCOPUS по всем отраслям — от 45 000 руб. (Q1–Q4), выход через 3–6 месяцев после оплаты;

3) публикация статей Web of Science по всем отраслям — от 45 000 руб., выход через 3–6 месяцев после оплаты;

4) публикация статей по медицинским наукам в журнале Web of Science — 40 000 руб. (срок публикации 4 месяца);

5) публикация статей РИНЦ по всем отраслям — от 2000 руб.;

6) «Все для учителя» — сетевое издание для работников школьных образовательных организаций, общеобразовательных организаций, педагогов дополнительного образования, преподавателей, а также дошкольников, учащихся и студентов.

Акция месяца! Публикация статьи в электронном журнале ВАК в декабрьском номере 2017 года за 8000 руб. (до 10 страниц, шрифт TNR 14, интервал 1,5; до 15 страниц — 10 000 руб.). Прием до 22 декабря. Выход 30 декабря. Прием ведется по 5 наукам: экономические, филологические, педагогические, юридические, философские, науки о Земле.

Акция месяца! Публикация статьи SCOPUS в мультидисциплинарном журнале SCOPUS (Q4) + Web of Science (Италия) за 2 месяца, цена — 50 000 руб.

Спецпредложение! Публикация SCOPUS или Web of Science за 25 000 руб.

Неужели эти люди действительно представляют ВАК?! По крайней мере, у них хватило совести точно обозначить свои реквизиты и контактные данные. А может быть, они совершенно искренне считают себя благородными посредниками, благодетелями, предлагающими своим коллегам не самый тернистый путь к обетованному месту под Скопусом?

Каждый, кто предпринимал попытки пристроить свои сочинения в скопусовские журналы, знает, что дополнительно следует перевести их на английский язык, даже, допустим, в том случае, если предметом анализа оказывается русский язык или русская литература. А это дополнительные расходы на услуги переводчиков: по 400 рублей за каждую полную и неполную страницу. Мало того, английской аннотацией сопровождаются и статьи, публикуемые в наших же отечественных, и не только ваковских, изданиях, вместе с переводом кириллицы в латиницу в библиографических списках.

Спрашивается, ради чего или ради кого предпринимаются все эти усилия, на кого работает этот по-

зорный, унижающий наше национальное достоинство псевдонаучный рынок, какую реальную пользу имеем мы от дутых, нисколько не соответствующих действительному положению вещей рейтингов? Пожалуй, самыми заинтересованными людьми в данном случае являются чиновники и администраторы, надзирающие за наукой, которые, оправдывая давнишний российский принцип «один с сошкой, семеро с ложкой», всеми силами способствуют увеличению этого соотношения в надежде повысить статус возглавляемых или курируемых ими учебных учреждений. Это они диктуют правила тем, кто науку делает, досаждая им мелочным контролем, циркулярами и никому не нужными отчетами.

Значение слова Scopus внятно лишь самым дошным лингвистам (в переводе на русский язык с греческого: «мишень», «цель»). На самом же деле оно означает для нашей науки примитивную приманку для простаков, вроде той морковки, которую Тиль Уленшпигель держал перед носом своего не слишком целеустремленного осла. С другой стороны, приверженность чуждым нам наукометрическим инструментам оборачивается недостойным заискиванием перед теми, кто никогда, ни при каких обстоятельствах не даст объективной оценки нашим научным достижениям. Российская наука всегда была и остается самобытным и самодостаточным в оценке своей деятельности организмом. Или забыли мы, как боролся с засильем немцев в стенах Петербургской академии Ломоносов? Попробовали бы они измерить его гигантские научные заслуги с помощью Scopus'a!

Не так давно в ответ на сетования государственных мужей на то, что заграничные рейтинги нам не слишком подходят, Путин резонно поинтересовался: а почему бы нам не выработать свои, более подходящие рейтинговые системы? Действительно, почему, оценивая статус вуза, мы должны руководствоваться критериями Кембриджа и Оксфорда, а не МГУ и ВШЭ? Почему мы должны публиковать наши статьи с английской аннотацией без ответных жестов такого же рода со стороны наших иностранных коллег? Зачем унижать одни журналы и незаслуженно возвышать другие, возбуждая нездоровый ажиотаж и соблазн поживиться за счет спекулятивного спроса? Когда, наконец, российские ученые перестанут сами оплачивать свой интеллектуальный труд вместо того, чтобы получать за него вознаграждение? До каких пор будем мы подвергать нашу науку добровольному оскотлению?

Настоящая наука живет, конечно, не за счет признания или рейтингового престижа, а за счет бескорыстной жажды познания, неистребимого стрем-

ления к истине. Если представить, что где-нибудь в отдаленном уголке нашей необъятной страны появится новый Ломоносов (а успехи наших ребят на различных международных конкурсах — тому порука), захочет ли он пуститься в путь — завоевывать

Москву, Петербург и Европу, зная наперед, какие препоны его ожидают? Может быть, лучше устранить их, пока не поздно? Предстоящие выборы президента и неизбежное, как кажется, обновление кабинета министров — для этого самое подходящее время.

